
УДК 398 (470.661)

ББК 82.3 (2=Чеч)

Д 40

Джамбекова Т.Б.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики её преподавания Чеченского государственного педагогического института, e-mail: ATB-1952@mail.ru

**Чеченский фольклор и литература: актуальные проблемы
взаимодействия на этапе зарождения и становления
художественной литературы
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются вопросы трансформации в литературе опыта устного народного творчества, которая шла путем фиксации, литературной обработки фольклорного материала, создания на его основе художественных произведений, отражающих мотивы устного народного творчества, или включения его отдельных жанровых качеств в структуру новописьменных произведений. Отмечается, что синтез фольклора и литературы обусловлен сложным сращением форм, приемов и эстетических критериев. Установлено, что фольклор, «вторгаясь в литературу», во многом определял её эстетические, стилевые и художественные особенности, что это, по большому счёту, не «фольклоризация», а освоение художественного богатства прошлых лет.

Ключевые слова:

Чеченский фольклор, духовные и художественные ценности народа, жанровое многообразие литературы.

Dzhambekova T.B.

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Literature and Technique of Teaching, Chechen State Pedagogical Institute; e-mail: ATB-1952@mail.ru

**Chechen folklore and literature: actual problems of interaction at a
stage of the origin and formation of fiction**

Abstract:

The paper deals with the transformation of experience of oral national creativity in literature which went by the way of fixing and literary processing of a folklore material, by creation on its basis of the works of art reflecting motives of oral national creativity, or by inclusion of its separate genre qualities in structure of new written works. Synthesis of folklore and literature is caused by a complicated union of forms, techniques and esthetic criteria. It is established that folklore, “interfering in literature”, defined in many respects its esthetic, style and art features. This is the development of art wealth of last years rather than “folklorization”.

Keywords:

Chechen folklore, cultural and art wealth of the people, genre diversity of fiction.

Фольклор и литература – проблема вечная, неисчерпаемая, поскольку фольклор – это прошлое, исторически последовательно развивавшееся. И в силу этого он становится системой, содержащей основные идеи о времени, его событиях и героях, психологии и нравственно-духовных завоеваниях народа (нации), его этническом и ментальном кодексе, развитии поэтического языка и художественно-философского мышления. А прошлое – то дерево, которое вечно давало и еще много веков будет давать плоды, чтобы особь могла плодотворно существовать и далее. Фольклор – это духовное прошлое, тот корень, из которого будут произрастать ствол, ветви и плоды, т.е. крона любой национальной литературы и всей поэзии в целом (в широком смысле слова).

Устойчивый интерес к данной проблематике сохраняется достаточно долгое время. Несколько лет назад в Казани состоялась научно-практическая конференция, в которой приняли участие сотни ученых из разных регионов России и других стран. По её материалам была издана книга статей «Актуальные проблемы современной фольклористики» (Казань, 2009), в которой опубликованы труды по основным направлениям современной фольклористики, её связях с другими гуманитарными науками. Определенные усилия предприняты в этом отношении и чеченскими исследователями, в частности литературоведом Х.В. Туркаевым [1]. Актуальность этой проблематики подтверждает и У.Б. Далгат: «...встал вопрос, нужен ли (наряду с общетеоретическими принципами системного подхода) конкретный анализ фольклоризма того или иного писателя», – спрашивает она и отвечает: «Мы убедились в том, что такой анализ необходим» [2: 7]. «В вопросе о том, в чем состоит новизна литературно-фольклорных связей,.. мы, в первую очередь, исходим из признания их актуальности и на сегодняшний день» [2: 301]. Проблеме взаимодействия фольклора и лите-

ратуры уделял большое внимание и Д.С. Лихачёв. «В своей книге «Поэтика древнерусской литературы», – отмечает С.А. Шахутова, – он «попытался представить взаимодействие литературы и фольклора в средневековый период как процесс взаимодополняющих друг друга эстетических систем» [3: 61].

В. Жирмунский, обосновывая сравнительно-типологические и историко-типологические исследования закономерностей взаимодействия литературно-национальных систем, литературно-фольклорных взаимодействий, никогда не обходил вниманием вопрос об их проявлении в конкретном художественно-эстетическом процессе, даже в творчестве отдельного писателя. В статье «Пир Атрея и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе» он приводит десятки произведений, сюжетной основой которых стали легенды и предания древних времен разных народов, проводя прямые параллели между этими произведениями и общими их фольклорными источниками [4: 375–397].

Многочисленные версии, как указывает В. Жирмунский, одного и того же сюжетного истока, «сложившиеся на протяжении пяти столетий (XII–XVII вв.), свидетельствуют о его широкой популярности у народов Западной Европы, о его жизненной силе как поэтического выражения трагедии любви и ревности. Генетически они связаны общим источником, из которого развивались в различных направлениях, частью последовательно, частью параллельно, на фоне традиционных представлений рыцарской литературы, как продукт индивидуального литературного творчества, но в тесном взаимодействии с устной безымянной фольклорной традицией» [4: 394].

Фольклор всегда питал, питает литературу и, видимо, это будет происходить во все будущие времена, поскольку фольклор – явление первородное, древнее и всенародное; литература – вторичное, молодое,

авторское. Однако полагать, что все произведения письменной художественной литературы имеют своих «старших братьев», по крайней мере, несерьезно, хотя надо бы подчеркнуть, что любое крупное художественное создание в слове, естественно, основывается на философии, опыте, духовном сознании народа, если даже писатель об этом прямо не думает при создании своего произведения. Поэтому вопрос взаимодействия фольклора и литературы остается чрезвычайно актуальным. Это подтверждают и классики в изучении данной проблемы (А. Веселовский, В. Жирмунский, Б. Томашевский, Б. Путилов, У. Далгат, С. Аверинцев, В. Пропп), и современные ученые (А. Топорков, В. Гацак, Г. Гамзатов, Е. Мелетинский и др.). Смысл современного понимания данной проблемы, опираясь на суждения С. Аверинцева, сформулировал А. Топорков: «Оппозиция фольклор – литература асимметрична: фольклор возник до литературы и первоначально никак не был соотнесен с ней, между тем, литература с самого своего возникновения так или иначе соотнесена с фольклором; она либо ориентируется на фольклор, либо, наоборот, отталкивается от него, но, во всяком случае, во множестве своих форм сохраняет свое родство с ним» [5: 155]. Прочитав еще одну, на наш взгляд, существенную мысль А. Топоркова: «Фольклорный текст в целом представляет собой не форму самовыражения индивида, но форму существования традиции». И далее: «Произведение художественной литературы ценится своей новизной как выражение личности его создателя, его индивидуальных пристрастий и неповторимого жизненного опыта. Литературные тексты представляют собой условный мир с вымышленными персонажами. В фольклоре вопрос о степени достоверности повествования решается по-разному в разных жанрах. Так, например, содержание эпического произведения может восприниматься как правдивое повествование о давних временах» [5: 147–148]. Здесь следует добавить, что народ сочинял эпически ши-

рокие полотна по поводу крупных событий и деятельности видных исторических лиц.

Эти размышления имеют непосредственное отношение к фольклорному наследию чеченцев, такому же древнему, как и сам народ. В сознании чеченцев прошлое является более понятной субстанцией, нежели будущее: «...в философии чеченцев, основанной на фольклорном сознании, не совсем четко очерчена дефиниция «время будущее». Оно принадлежит мистике («Хиндерг – Далла бен ца хаь» – «Что будет в будущем – одному богу только известно», «Хиндолчунна юкьахь Дела бен вац» – «Только бог может стоять между настоящим и будущим») и как будто народным сознанием предано забвению как нереальное время. А реальное – это время настоящее, но устремленное в прошлое – корнями, мыслями, философией – и неразрывно связано с ним. В этом смысле чеченцы подобны дереву, которое в настоящем ветвями устремлено к солнцу, а корнями – к прошлому» [6: 71]. Человек в миропонимании чеченцев – «это центр мироздания. Он в ответе даже за седьмого потомка, как ответствен был седьмой предок за него. Эта иерархия довлела над мыслями и поступками чеченца, начиная с того момента, когда он покидал колыбель, и не давала расслабиться до могильной тишины, означавшей конец его земного пути. Поэтому мы вправе утверждать, что мир воспринимается чеченцами через призму прошлого» [6: 71]. Эти слова напрямую свидетельствуют о том, насколько важен фольклор – средоточие духовной, интеллектуальной, нравственно-философской деятельности чеченцев в прошлом – для сегодняшней письменной литературы, для писателей, которые во многом ответственны за то, чтобы это прошлое сохранить в памяти потомков. Всякое свободное обращение современного писателя-чеченца с национальным прошлым опасно возможностью откровенного невосприятия его произведения нынешним читателем, всем чеченским обществом. Поэтому многие

герои фольклора воспринимаются чеченцами как реальные действующие лица, участвовавшие в реальных исторических событиях. Это подтверждается в исследованиях чеченских фольклористов: «Время действия чеченских героико-эпических песен илли не только отнесено к прошлому, – оно строго локализовано в этом прошлом и в восприятии сказителя, а через него и в восприятии его слушателя, оно, несомненно, представлялось как историческое, действительно существовавшее. Герои илли, их имена, топонимические названия, этнографические детали быта и традиций, отраженные в них, могли быть историческими» [6: 73].

Последние нескончаемые войны погубили многое из общенародного достояния (материалы архивов, библиотеки республиканского НИИ и университета), погибло немало и деятелей науки, искусства, литературы; в этих условиях собирать фольклорные материалы и публиковать их тоже не представлялось возможным.

Тем не менее, богатое устно-поэтическое наследие продолжало существовать в памяти народа. Оно выражало менталитет чеченца, его нравственные законы, миропорядок, которые давно выработаны и оставались незыблемыми, которым подчиняется каждый чеченец: «Превыше всего для наших предков была нравственная гармония между собой и окружающим миром, жизнь сообразно своим представлениям о высокой нравственности. Чтобы люди говорили только хорошее о тебе, приумножая славу и капитал добра, благородства, нажитого до него его уважаемыми предками, «предыдущими семью поколениями», ощущая себя ответственными и перед ними, и перед семью поколениями будущих потомков. В этом и заключается национальная идея чеченцев: прожить свой отрезок жизни на этой земле, соответствуя системе нравственных ценностей, оставляя после себя приметы благородной жизни. Все совершенные тобою богоугодные и добрые дела

люди выскажут в день твоих похорон, и поэтому важно прожить свою жизнь достойно, важно со спокойной совестью уйти из жизни» [7: 10–11].

Столь высокий уровень понимания нравственности выработан народом не без помощи его устного художественного творчества, а высокий уровень художественности произведений (например, жанр илли) достигнут мощной интеллектуальной и духовной деятельностью народа. Высокие нравственные принципы, выработанные народом на протяжении многих веков и нашедшие выражение в его художественном сознании и духовной деятельности, легли в основу чеченской литературы, определив главные направления поисков национальной прозы.

Вопрос о взаимодействии чеченского фольклора и литературы не нов: нет ни одной литературоведческой публикации (Ю. Айдаев, И. Алироев, В. Дыхаев, К. Гайтукаев, Х. Туркаев, многие другие), в которой данный вопрос не поднимался. У названных авторов имеются интересные наблюдения, которые помогли нам расширить исследовательскую базу нашей статьи. Судьба чеченской литературы так же сложна, как и судьба народа, её создавшего. Она сопровождала его и в ссылке, и в войнах, и во время трудного возвращения народа на историческую родину, и набирала новые высоты в сложнейшем общении с национальным фольклором. Трансформация в литературе опыта устного народного творчества шла путем записи, литературной обработки фольклорного материала, создания на его основе художественных произведений, отражающих мотивы устного народного творчества, или включения его отдельных жанровых качеств в структуру новописьменных произведений. Синтез фольклора и литературы обусловлен сложным сращением форм, приемов и эстетических критериев, которые определяют национальное своеобразие литературы.

Жанры очерка и рассказа открыва-

ют первые страницы истории чеченской прозы. На первоначальном этапе творчества авторы опирались на опыт северокавказских просветителей (Адиль-Гирей Кешев, Султан Казы-Гирей, Юрий Казибек, Чах Ахриев, Умалат Лаудаев, Гаджи-Мурат Амиров, Джантемир Шанаев, Инал Кануков, Шора Ногмов и др.). Традиционные формы классической русской литературы и художественное воссоздание быта, социальных отношений реализовывались в творчестве первых чеченских писателей А. Нажаева, М. Сальмурзаева, С. Бадиева и других и приобретали «кавказский вид». Национально-своеобразным при этом был уже не только материал (этнографические зарисовки из жизни чеченцев), но и художественно-структурные компоненты этих произведений (введение в текст народных песен, легенд и др.).

Опыт чеченских прозаиков 20–30-х годов XX века не был совершенным с точки зрения художественности текста, однако имел принципиальное значение для дальнейшей эволюции национальной литературы. В ней шел процесс накопления духовных и художественных ценностей, расширялся диапазон ее жанровых форм. В то время, по словам литературоведа Х.В. Туркаева, «...художественно-эстетические нормы литературных жанров не были освоены молодыми писателями, поэтому им нелегко было вырваться из привычных фольклорных контуров и осветить новые взаимоотношения личности и общества. Писателям лучше удаются образы носителей старой морали, так как они имеют в фольклоре своих прототипов» [1: 32].

Чеченская литература начала 20–30-х годов XX века стала новым явлением духовной культуры народа. Ее основателями были профессиональные художники, соединившие в своём творчестве глубокое знание народного творчества и опыт русской литературы. Потребность отразить новую действительность, сделать героем произведений человека-созидателя стала составляющей частью

творчества многих писателей, способствовала определению основных принципов формирования и развития чеченской литературы. Авторы обращались к актуальным проблемам современности, разрабатывая темы, обусловленные временем. Основное содержание литературного процесса 20-х годов свидетельствует о том, что первый и очень сильный отзвук события... нашли в фольклоре. Началась «переоценка морально-этических ценностей и эстетических идеалов» (В. Корзун).

Литературный процесс тех лет протекал не так спокойно и триумфально. Тогда было принято не говорить о негативных процессах в духовной жизни общества, в том числе чеченского. В 20-х годах в литературно-эстетических кругах шла жесточайшая борьба. Отзвуки её доходили и до писателей Северного Кавказа. Однако отсутствие глубинных традиций в авторском, письменном творчестве и особая цензурная жесткость на местах не давали молодым литераторам возможность свободно развиваться, тем более активно сопротивляться установкам РАПП-овских деятелей «сверху». В силу этих обстоятельств северокавказские литераторы вынуждены были следовать вульгарно-социологическим установкам РАПП-овской идеологии и эстетики и неукоснительно подчиняться большевистским постановлениям местных «обкомов, райкомов» и т.д. Для молодых писателей ясно было, что содержанием социалистической литературы должна быть новая жизнь (новый герой), а форму они «занимали» у фольклора. Поэтому проявления художественности в молодых литературах были связаны, прежде всего, с показом национальной психологии, национального характера на фоне «разрешенных» идеологических проблем.

Тематика произведений 20-х годов прошлого века была социально детерминированной, идеологически жестко продуманной. На первом плане оказался героизм людей; магистральными тема-

ми стали события, связанные с революционными преобразованиями в жизни горцев. В сознании и практике писателей они были пропущены через фольклорный и этнографический материал.

На эту особенность указывает У.Б. Далгат в статье «О фольклорно-этнографическом контексте литературного произведения», в которой обращает внимание на идейно-эстетическую необходимость связи писателей с устным народным творчеством в процессе работы над художественным произведением. «Фольклорно-этнографический контекст обеспечивается включением в литературный текст различных народно-поэтических (образных, языковых, стилистических и др.) элементов и этнографических реалий. В сложной повествовательной системе они могут рассматриваться как своеобразные этно-эстетические микроединицы, в которых представлена поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа. Именно поэтому эти этно-эстетические элементы активно участвуют в самой художественной структуре произведения, в показе формирования национальных характеров, их нравственной психологии, в передаче местного колорита и т.д.» [8: 233].

Безусловно, в чеченской литературе периода зарождения и становления широко использовались не только фольклорные сюжеты героико-исторических песен или народных новелл, лирических песен, преданий, легенд, пословиц и поговорок, но также употреблялись устойчивые эпитеты

и фразеологические обороты, средства и приемы народной поэтики. Прозаики и поэты в своих произведениях по-разному использовали этот фольклорный материал. Кроме этого, фольклорные приемы находили широкое применение в художественной практике, наполняя произведения народными мотивами. Х.В. Туркаев считает, и мы разделяем его мнение, что именно фольклорные традиции послужили главным источником для первых прозаических произведений чеченской литературы.

К концу 30-х – началу 40-х годов XX века чеченские писатели приобрели большой индивидуальный творческий опыт, сохраняя при этом национальную специфику и традиции устной эпической мысли. Однако этот период был прерван массовыми репрессиями чеченского народа, многие писатели оказались за пределами родины. Их возвращение совпадает с возрождением чеченской прозы в конце 50-х – начале 60-х годов. В этот период был завершён и опубликован роман С.-Б. Арсанова «Когда познаётся дружба» (1956), напечатаны романы Х. Ошаева «Пламенные годы», М. Мамакаева «Мюрид революции» и «Зелимхан» и другие. В них писатели художественно отразили историческую судьбу чеченского народа, решили важнейшие задачи современности. В этом им помогали духовная атмосфера и эстетика фольклорного наследия.

Фольклор, «вторгаясь в литературу», во многом определял её эстетические, стилевые и художественные особенности. Это по большому счёту не «фольклоризация», а освоение художественного богатства прошлых лет.

Примечания:

1. Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978. 348 с.
2. Далгат У.Б. Этнопоэтика в русской прозе 20-90 гг. XX века. Экскурсы. М.: РАН, 2004. 389 с.
3. Шяхутова С.А. Проблемы взаимодействия фольклора и литературы в оценке Д.С. Лихачёва // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология

-
- и искусствоведение. Майкоп, 2009. Вып. 2. С. 61-64.
4. Жирмунский В. Сравнительное литературоведение. Л.: АН СССР, 1979. 493 с.
 5. Топорков А. Фольклорные формы словесности // Теория литературы. Роды. Жанры. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 142-165.
 6. Джамбеков О.А. О художественном времени в устно-поэтическом наследии чеченцев // Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2002. С. 145-151.
 7. Чеченская народная поэзия в записях XIX-XX вв. Илли, узамы. М.: Новый ключ, 2005. 356 с.
 8. Далгат У.Б. О фольклорно-этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 231-246.

References:

1. Turkayev Kh.V. Historical destinies of the Chechens and Ingushes' literature. Grozny, 1978. 348 pp.
2. Dalgat U.B. Ethnopoetics in the Russian prose of the 20s-90s of the XX century. Excursus. M.: RAS, 2004. 389 pp.
3. Shkhakhutova S.A. Problems of folklore and literature interaction in D.S. Likhachyov's assessment // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the arts». Maikop, 2009. Iss. 2. P. 61-64.
4. Zhirmunsky V. Comparative study of literature. L.: the USSR AS, 1979. 493 pp.
5. Toporkov A. Folklore forms of literature // Theory of literature. Styles. Genres. M.: IMLI RAS, 2003. P. 142-165.
6. Dzhambekov O.A. On the art time in oral and poetic heritage of the Chechens // The culture of Chechnya. History and modern problems. M.: Nauka, 2002. P. 145-151.
7. The Chechen national poetry in records of the XIX-XX centuries. Illi, uzams. M.: Novy kluch, 2005. 356 pp.
8. Dalgat U.B. On the folklore and ethnographic context of the literary work // Folklore role in the development of literatures of the USSR folks. M.: Nauka, 1975. P. 231-246.